

Воспоминания о Н.В. Глотове

Сергей Иванович Ворошилин

к.м.н., доцент Уральского мед. университета

Печально, что приходится писать воспоминания о Николае Васильевиче, а для меня о Коле Глотове, как об ушедшем в иной мир.

Мне довелось на протяжении многих лет дружить с Колей, и все эти годы для меня он был и оставался лучшим другом.

Познакомились мы впервые (точнее я познакомился с ним) заочно. Мы учились в одной школе (мужская школа № 37 г. Свердловска). Однажды наша классная руководительница, придя на урок, обмолвилась о своем совершенно «удивительном» по способностям ученике Коле Глотове, учившемся на класс младше нас. Эти ее слова остались в памяти. В старших классах школы он был, кажется, секретарем комсомольской организации школы. Но встретиться с этим «удивительным учеником» мне довелось лишь через пару лет, уже в мединституте.

Осенью 1957 года в Свердловском медицинском институте (теперь Уральском мед. университете) проходила по линии студенческого научного общества (СНО) конференция, посвященная столетию выхода в свет книги Ч. Дарвина «Происхождение видов» (недавно отмечали уже 150-летие). На конференции было 7 выступающих: с второго курса Коля Глотов и его одноклассник Саша Никифоров, с первого курса - физиологи Володя Мархасин и Валерий Изаков, с третьего - автор этих строк и с четвертого - Альберт Позолотин, тоже окончивший 37-ю школу, и педиатр Евгений Белозеров.

Замечательно то, что на этой конференции возникла многолетняя дружба шести из семи ее участников, которые остались друзьями на всю жизнь, хотя их научные интересы и житейские судьбы разошлись в разные стороны.

Владимир Яковлевич Изаков и Владимир Семенович Мархасин стали физиологами, докторами наук, работали в лабораториях УрО РАН, В.С. Мархасин был избран членом-корреспондентом РАН. Александр Петрович Никифоров стал биохимиком, к.м.н., работал в мединституте и в институте дерматологии. А остальные участники конференции (Глотов, Ворошилин, Позолотин), доклады которых были посвящены вопросам генетики, связали свои судьбы с этой тогда осуждаемой и полузапрещенной дисциплиной.

Вся эта кампания из шести друзей стала собираться и обсуждать научные проблемы, связанные с генетикой. Чаще собирались у Коли Глотова, который жил на улице Красноармейской в снесенном теперь старинном одноэтажном кирпичном доме. У него в качестве доски использовали круглую голландскую печь. Помнится, рисовали на ней формулы из книги британского радиобиолога Ли. В это же время почти вся кампания неофициально прослушала в течение двух лет курс лекций на математическом факультете УрГУ. Охотно собирались и за

праздничным столом, где в числе любимых развлечений были анекдоты и бардовские песни.

Где-то в это время нам довелось впервые услышать об известном теперь генетике - профессоре Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском, жившем и работавшим в то время в Свердловске, в институте биологии Уральского филиала АН (УФАН). Лаборатория его тогда находилась в главном здании УФАНа на ул. С. Ковалевской. В это время ему почти случайно разрешили прочитать несколько лекций студентам в УрГУ (там организатором стал будущий сотрудник Тимофеева и первый директор института медицинской генетики АМН СССР, выходец из Харбина Володя Иванов), а также на физтехе УПИ, где организаторами были физики из УФАНа Зырянов и Талуц. На этой лекции побывали мы все. Облик Тимофеева поразил нас, и мы остались навсегда под его обаянием и влиянием, которое не ушло и теперь. Поражала всех и его необыкновенная биография, то, что он в течение 20 лет работал в Германии, где возглавлял отдел генетики в институте Кайзера Вильгельма в пригороде Берлина Берлин-Бух, в том числе в годы войны. И то, что он был в связи с этим репрессирован. Но главное – это были его блестящие лекции и восторг от знакомства с генетикой, которая тогда была еще практически запрещена.

Интересно, что детские послевоенные годы Коли Глотова прошли в Германии, где в Группе Советских войск в Германии служил его отец Василий Александрович, который бы военным связистом. При этом они жили чуть ли не в том самом Берлин-Бухе, где жил и работал Тимофеев-Ресовский. Коля пошел в школу в Германии и учился там до переезда семьи в Свердловск после демобилизации отца.

У всех у нас возникло желание познакомиться с Тимофеевым-Ресовским и попасть в его лабораторию. Первым «проник» в лабораторию Алик Позолотин, затем там стал частым гостем Коля Гловтов.

После окончания института Алик Позолотин стал работать в лаборатории Тимофеева. Несколько лет мы все достаточно часто посещали лабораторию, где второй яркой личностью был Николай Викторович Лучник, который, работая в лаборатории, лишенной современного оборудования, используя банальные методы математической статистики, осуществил в 1962 – 1964 гг. параллельно с американцами расшифровку нуклеотидного кода. Он был учителем Коли Глотова по статистике.

Летом почти все сотрудники лаборатории выезжали на биостанцию Миассово в Ильменском заповеднике, где Тимофеев-Ресовский организовывал практически всесоюзные конференции по генетике. Иногда нам удавалось к ним присоединиться. На память о Миассово осталась сочиненная кем-то песня на мотив «Гоп со смычком»:

*Тимофеев треп наш завершил
Все, что надо, вскрыл и обобщил
И теперь скажу я снова
До свиданья Миассово
Я тебя навеки любил.*

А в апреле 1964 года Тимофеев-Ресовский переехал из Свердловска в г. Обнинск Калужской области в качестве руководителя отдела радиобиологии и генетики Института медицинской радиологии (ИМР) АМН СССР. Обнинск – это город, где находится 1-я атомная электростанция, а также еще несколько очень разных, но одинаково сверхсекретных институтов. Перед отъездом Николай Владимирович прочел для всех желающих (и допущенных к этому) свой классический курс лекций по генетике и радиобиологии, который тогда же был записан на магнитофон и, кажется, даже был в какой-то форме издан.

По окончании института Коля Гловтов был распределен в распоряжение Института охраны материнства и младенчества (ОММ), где выполнил какую-то статистическую работу. Работа сама по себе была мало интересна, но выполнена им с таким блеском, который придал ей исключительную значимость. И тут он получил официальное приглашение от Тимофеева-Ресовского в аспирантуру в ИМР. Директор ин-та ОММ проф. Малышева Р.А., которая сначала имела какие-то неясные планы на создание генетической лаборатории, утратила к этому интерес и его отпустила, несмотря на распределение.

Вслед за Тимофеевым в Обнинск уехала целая свердловская колония его сотрудников, причем в ней было несколько супружеских пар: Тимофеевы, Лучники, Царапкины, Ивановы, Абатуровы. Первые несколько месяцев это был один дружный коллектив, хотя и разделенный на два отдела. Но позднее коллектив утратил единство, возникло определенное соперничество, конкуренция. Да и общность интересов постепенно сгладилась. В 1964-1965 году мы с Колей работали параллельно в Обнинске, он у Тимофеева, я – у Лучника, но я в 1965 вернулся в Свердловск. А Николай Васильевич позднее перешел в МГУ, затем в ЛГУ, и последние годы прошли в университете в г. Йошкар-Ола.

С тех пор мы встречались уже только или во время моих командировках в Обнинск, в Москву, в Ленинград, Петергоф, или наоборот, его командировках в Свердловск, Екатеринбург, Тагил. В последние годы общение все более стало ограничиваться телефонными разговорами. Темы разговоров были частично связаны с генетикой, с жизнью ведущих лабораторий. Всегда обсуждались вопросы текущей истории страны, истории мировой войны, культа личности, мировой истории, литературы, музыки. Всегда заметное место занимали воспоминания о Тимофееве и обо всем, связанном с ним и его окружением. Очень жаль, что Коля не успел записать воспоминания о своей жизни, о Тимофееве-Ресовском, о его лаборатории и сотрудниках.